

Научная статья
УДК 342
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-2-217-225>

Цифровая форма реализации функций государства: теоретико-правовые аспекты и ее значение в государственно-правовой действительности

Савина Светлана Игоревна

Академия управления МВД России, Москва, Россия, sveta-s85@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные вопросы, связанные с реализацией функций государства. Раскрыты основные этапы и содержание документов стратегического планирования, предусматривающих цифровизацию государства и общества. Анализируются проблемы понятийно-терминологического аппарата в условиях цифровой трансформации государственного управления, дается развернутая оценка электронной и цифровой формам оказания государственных услуг как части механизма реализации функций современного государства.

Ключевые слова: государство, цифровизация, цифровая форма реализации функций государства, государственное управление, государственные функции, оказание государственных муниципальных услуг

Для цитирования: Савина С. И. Цифровая форма реализации функций государства: теоретико-правовые аспекты и ее значение в государственно-правовой действительности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 2 (58). С. 217—225. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-2-217-225>.

Original article

Digital form of realization of state functions: theoretical and legal aspects and its importance in state-legal reality

Svetlana I. Savina

Management Academy of the Ministry of the interior of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation, sveta-s85@bk.ru

Abstract. The article deals with certain issues related to with the implementation of the functions of the state. The main stages and content of strategic planning documents providing for the digitalization of the state and society are disclosed. The problems of the conceptual and terminological apparatus in the context of the digital transformation of public administration are analyzed, a detailed assessment of the electronic and digital forms of provision of public services as part of the mechanism for implementing the functions of a modern state is given.

Keywords: state, digitalization, digital form implementation of state functions, state administration, state functions, provision of state municipal services

For citation: Savina S. I. Digital form of realization of state functions: theoretical and legal aspects and its importance in state-legal reality. *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 2 (58), pp. 217—225. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-2-217-225>.

Стремительное развитие цифровых технологий в последнее десятилетие стало одним из ключевых ресурсов, обеспечивающих функционирование всех структур общества и государства.

Происходящая трансформация (лат. *transformation* — преобразование, превращение [1, с. 617;

2, с. 698]) государственно-правовой действительности формирует новую, объективно существующую реальность, отличную от привычных закономерностей в силу своей технической природы.

Этим определяются характерные особенности бытия в новом цифровом мире и единстве

© Савина С. И., 2022

законов его развития — цифровизация является общемировой магистральной тенденцией [3] с ускоряющимся темпом [4] и важнейшей составляющей политики Российского государства [5, с. 31].

Феномен «цифровизация», имеющий опыт его изучения отечественной наукой, с одной стороны, уже позволили за последние 15 лет найти модели, стандарты и принципы интерпретации результатов исследований в правовом регулировании общественных отношений. Более того, внедрение теоретических наработок в этой сфере позволило сформировать современную регуляторную концепцию правового режима крупных отраслей экономики, например, телевидения, связи и интернет-коммуникаций.

С другой стороны, границы названного явления в государственном управлении, несмотря на солидный исторический период, в настоящий момент не имеют однозначного определения, что не позволяет синхронно «обогащать» правовую материю новыми видами отношений и понятий, которых не было в период активного формирования действующего юридического ландшафта.

Следует отметить, что катализатором развития феномена «цифровизация» на общегосударственном уровне явилось поручение Президента Российской Федерации сосредоточиться на направлениях, где накапливается мощный технологический потенциал будущего, а это цифровые, другие так называемые сквозные технологии, которые сегодня определяют облик всех сфер жизни [6], что обусловило внедрение комплексной программы развития экономики нового доминирующего технологического уклада — «цифровой экономики» [7].

Для решения этой задачи в 2017 году утверждается документ стратегического планирования — программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [8]. В качестве одной из ее целей полагалось создать экосистему цифровой экономики, в которой *данные в цифровой форме* (выделено нами. — С.С.) становятся ключевым фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности. При этом в программе фактически зафиксирована норма-дефиниция «цифровая экономика», определяющая общие начала, основы правового регулирования цифровизации.

Впоследствии разрабатывается и реализуется национальный проект «Национальная программа “Цифровая экономика Российской Федерации”» [9], включающий специальный федеральный проект «Цифровое государственное

управление» [10]. Его положения закрепляют возможность отказа от бумажных носителей и участия человека в процессе принятия решения в отдельных сферах государственной деятельности.

Такой подход в государственном управлении является дополнительным условием повышения качества предоставления государственных услуг, а также снижения затрат на их оказание. В этих целях принимаются меры по развитию искусственного интеллекта, созданию правовых условий и установлению процедур делегирования информационным системам, функционирующим на его основе, возможности принятия решений при исполнении государственными органами государственных функций [11].

Для прорывного развития государства, повышения уровня жизни граждан в 2020 году определены национальные цели развития Российской Федерации на период до 2030 года, среди которых самостоятельное место также отведено цифровой трансформации [12].

Принимая во внимание это стратегическое целеполагание, можно утверждать, что не просто перевод государственного управления в «цифру», а его «цифровая зрелость» окончательно стала критически важным условием национальной безопасности Российской Федерации и глобальной конкурентоспособности нашей страны.

В связи с этим одним из наиболее популярных предметов правовых дискуссий, монографических исследований и аналитических докладов, в том числе с иллюстрацией имеющегося зарубежного опыта [13—16], является деятельность государственного аппарата в сфере предоставления государственных услуг.

С учетом диалектической связи между функциями государства и предметной деятельностью органов государственной власти цифровизация не могла не оказать влияния на компетенцию последних, в том числе при исполнении ими государственных функций. Как результат, государственные органы получают не только новые цифровые полномочия, но и вынуждены преобразовывать имеющиеся.

Однако бесспорно, что тенденции цифровизации некоторых из полномочий еще не указывают на наличие достаточных оснований для полемики о какой-то новой сущности государства — оно по-прежнему остается самим собой и сохраняет ее неизменной [17, с. 13]. Логично сегодня предположить, что не подвержены коренным изменениям и концептуальные подходы к содержанию категории функции государства и их видам.

Фактически по-прежнему из самой структуры механизма государства выводится понятие функции государственных органов, которые в совокупности составляют функции государственного аппарата, или функции государства (18, с. 133). Иными словами, государственные функции, функции отдельных органов государственной власти и государственные услуги являются частью функций государства.

Вместе с тем, следует согласиться с выводом о том, что любая абсолютизация значения какого-либо явления, закона, процесса, взаимодействия, связанная с истолкованием его как исчерпывающего многообразия реальности, препятствует конструктивному развитию теоретического познания и практики. Актуализация истины отнюдь не исключает наличия абсолютных истин [19, с. 259].

Опираясь на приведенную философскую аксиому, становится возможным допустить, что феномен «государство как платформа» и внедрение в его механизм сквозных цифровых технологий позволяют преодолеть планку предельности числа функций государства и надстроить солидный методологический фундамент государственоведения в этой сфере новыми функциями. Например, функция управления цифровыми данными в самом широком смысле является реальным путем реализации государственной идеи положений пункта «м» статьи 71 Конституции Российской Федерации [20], где фиксируются статика и динамика государства и гражданского общества [21, с. 9].

Иными словами, цифровая трансформация современной государственно-правовой реальности преобразует их взаимодействие, а значит сегодня вполне оправданно теоретическое осмысление новой формы реализации функций государства, в том числе функции оказания социальных услуг, составной частью которых являются отдельные государственные услуги [22]. Особое, стратегическое внимание государства к последним в целом [23] обуславливает новизну поставленной проблемы.

Их предоставление осуществляется с момента реализации положений Федерального закона от 27 июля 2010 года № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (далее — Закон о государственных услугах), в котором в качестве одного из основных принципов оказания услуг закреплена возможность получения их в электронной форме [24].

В течение десятилетия не только сформировано, но и совершенствуется нормативно-правовое

обеспечение предоставления государственных услуг [25], закрепившее соответствующий базовый понятийный строй. Появились новые виды государственных услуг, увеличивается число услуг, предоставляемых в электронной форме [26] и оказывающих проактивное влияние на поведенческий образ граждан в случае изменения их правового статуса в государственных и ведомственных реестрах либо возникновения той или иной жизненной ситуации [27]. Для последовательного наращивания объемов последних в 2021 году утвержден соответствующий план, предусматривающий три очереди «конверсии» 187 государственных услуг [28].

Несмотря на это, в практике правового регулирования правовая модель «цифровая форма» или «электронная форма» не раскрывается как воспроизведенный в нормах права образ, представляющий завершённую систему юридических признаков и характеристик явления.

Более того, академическая среда в узкоспециализированных словарях фактически фиксирует семантическое единство парных понятий: «электронная экономика» и «цифровая экономика»; «электронное правление» и «цифровое правление»; «электронный документ» и «цифровой документ», «электронная цифровая подпись» и «цифровая подпись» [29]. При этом хорошо известно, что сама по себе многочисленность таких сдвоенных терминов не может компенсировать их содержательной пустоты.

Отметим, что частично заполнить ее может международная практика, результаты которой сущностно закрепляют термин «цифровая экономика». Более того, содержательно определена «цифровая трансформация» — проявление качественных, революционных изменений, заключающихся не только в отдельных цифровых преобразованиях, но и в принципиальном изменении структуры экономики, в переносе центров создания добавленной стоимости в сферу выстраивания цифровых ресурсов и сквозных цифровых процессов. В результате цифровой трансформации осуществляется переход на новый технологический и экономический уклад, а также происходит формирование новых отраслей экономики [30].

Приведенная терминология регулирует экономическую функцию государств-участников региональных международных отношений и не затрагивает иные направления их деятельности.

Однако уже на уровне их деятельности «цифровизация» не ограничивается использованием только информационно-коммуникационных технологий, а предполагает применение широкого

спектра цифровых моделей, новых бизнес-процессов и создание цифровых активов [5, с. 34].

Иными словами, отсутствие единых правовых моделей указанных выше форм, разное научное определение их признаков влечет не только неопределенность в вопросе о том, что такое цифровая трансформация сферы государственных услуг, но и цифровизация функций государства, механизма их реализации. При этом под термином «форма» применительно к функциям государства понимается вид однородной по своим внешним признакам деятельности государственного аппарата, обусловленной предметным содержанием его функций.

Представляется, что познание в современных условиях дефиниции «цифровая форма», имеющей ценностно-смысловое значение с точки зрения морфологии и семантики, как и «цифровая трансформация», выходит за рамки научно-правового понятийного аппарата, в том числе теории государства, и кроется в области технической терминологии и знаний.

В словосочетании «электронная форма» функциональной основой является прилагательное «электронный». Она детерминирована электронной средой — средой технических устройств (аппаратных средств), функционирующих на основе физических законов и используемых в информационной технологии при обработке, хранении и передаче данных [31]. Работа таких аппаратных средств — электронных устройств — основана исключительно на взаимодействии частиц, обладающих электронным зарядом, с электромагнитными полями, что способствует преобразованию электромагнитной энергии. Обработка, хранение и передача данных — это динамический процесс последовательных преобразований некоторого множества сигналов. Его завершение связано с созданием документа в электронной форме, содержательная часть которого строго идентична подлиннику документа на бумажном носителе.

Такая технология характеризовала перевод отдельных административных процедур в электронный вид (подача заявления, запись на прием, уплата государственных пошлин, выдача результата и др.) в рамках реализации федеральной целевой программы «Электронная Россия (2002—2010 годы)» [32]. Эта технология активно применяется и сегодня. Так, в текущем году введена возможность формирования дистанционным способом листка нетрудоспособности в форме электронного документа [33].

В свою очередь, словосочетание «цифровая форма» обусловлена цифровой средой — средой

логических объектов, используемой для описания (моделирования) других сред (в частности, электронной и социальной) на основе математических законов [31]. При этом цифровая среда является сферой логики обработки данных, алгоритмов этой обработки, то есть конечного упорядоченного множества точно определенных правил для решения конкретной задачи.

Учитывая, что целевая модель оказания государственных услуг в электронном виде предполагает предоставление заявителю удобных сервисов идентификации и аутентификации, навигации и поиска, информации о доступных ему услугах, в том числе в привязке к жизненным ситуациям, контекстных подсказок, сервисов автоматизированного заполнения форм заявлений с имплементацией персональных данных и иных сведений, доступных государственному органу [34], а не использование электронного устройства как средства коммуникации, вполне обоснованным видится применение словосочетания цифровая форма. Более того, именно подобная форма — катализатор изменения парадигмы реализации функций государства и стратегии государственного управления, ориентированных на цифровую интеграцию, цифровую связь, цифровую инклюзивность и цифровую идентичность.

Теоретическое осмысление описанных процессов напрямую связано с семантической интероперабельностью — способностью любых взаимодействующих в процессе коммуникации информационных систем одинаковым образом понимать смысл информации, которой они обмениваются [35], даже если это не было предусмотрено при их опытно-конструкторской разработке и вводе в промышленную эксплуатацию.

В этой связи заслуживает внимания и справедливо утверждение, что цифровизацию можно рассматривать как процесс преобразования информации (аналоговой) в цифровую форму (в узком смысле) или как перспективное направление мирового развития, охватывающее все сферы жизнедеятельности личности, общества и государства для повышения ее качества и развития экономики (в широком смысле) [5, с. 31—32].

Глубину теоретического осмысления этого тезиса подчеркивает характер связи между функциями и структурой государства, который заключается в том, что все изменения в структуре в конечном счете вызываются изменениями в функциях [36, с. 58]. Этот вывод в полной мере применим и к сфере оказания государственных услуг.

В настоящее время переход на доступ к ним в цифровой форме широко распространен во всех сферах государственной и общественной жизни. Гарантии такого цифрового трансфера институционально заложены в механизме разработки и утверждения административных регламентов предоставления государственных услуг [37].

Дополнительные инструменты цифровизации государственных услуг параллельно предусматриваются в отраслевых программах цифровой трансформации [38]. Например, МВД России в своей Ведомственной программе цифровой трансформации на 2022—2024 годы [39] определило одной из ее задач повышение доступности и качества дистанционного обслуживания граждан при предоставлении государственных услуг с одновременной их цифровой трансформацией, а основным результатом — уровень удовлетворенности граждан качеством массовых социально значимых услуг, предоставляемых в цифровом виде.

Более того, для обеспечения эффективности принятия управленческих решений по совершенствованию работы ведомства в этой сфере проведена «специализированная» коллегия МВД России [40].

Важно подчеркнуть, что изначально гарантии и механизмы оказания государственных услуг наряду с аналоговой (бумажной) формой также и в цифровой (электронной) форме определены Законом о государственных услугах. Аналогичные положения нашли свое отражение также в отраслевых законодательных актах. Например, в Федеральном законе от 15 августа 1996 года № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» [41].

Вместе с тем, подмена понятий «электронная форма» и «цифровая форма», попытки сделать их синонимичными, неоднозначными и зависимыми от контекста концентрируют внимание правоприменителя только на обеспечении необходимого минимального уровня автоматизации процесса предоставления государственных услуг.

Сохраняется необходимость личного посещения заявителями уполномоченных органов и организаций для получения государственных услуг, нормативно и технологически не решены вопросы предоставления одновременно комплекса «пакета» государственных услуг, в том числе без привязки к их территориальности, и возврата излишне уплаченной государственной пошлины по умолчанию.

Наличие таких операционных издержек в реализации государственных функций критически

снизило доступность использования традиционных статических реактивных государственных услуг в электронном виде из-за социального дистанцирования в период пандемии. Формирование цифровой грамотности граждан, укрепление цифрового потенциала государственных органов, апробирование и внедрение ими сквозных цифровых технологий, платформенных решений стимулировало онлайн-коммуникацию государства и общества для оперативного управления кризисом через новые цифровые механизмы.

Раскрытие подобного потенциала практики цифровой оптимизации процесса предоставления государственных услуг позволяет утверждать о полном переводе в будущем государственных функций в этой сфере в цифровую форму, прежде всего для повышения эффективности взаимодействия между обществом и государством.

С учетом изложенного можно сделать общий вывод, что цифровая форма реализации функций государства постепенно не просто комплексно надстроит (дополнит, усовершенствует) традиционные правовые и неправовые формы, а станет самостоятельным термином в понятийном аппарате категории «механизм реализации функций государства». Эвристичность идеи обогащения форм осуществления функций государства и наличие тенденции к их увеличению обуславливается прямым результатом развития всей государственности, в частности, усложнения государственной действительности по масштабности и содержанию задач и функций, всестороннего развертывания демократии, возрастания роли правительственных органов всех звеньев [42, с. 23].

Метафоричность определений и терминов сегодняшней четвертой промышленной революции — эпохи цифровизации, охватывающей самые разные стороны жизни: государственные и политические системы, технологический уклад, человеческую идентичность, постепенно сменится их строгими значениями для юридической науки и правоприменительной практики. Диалектическая связь цифрового государства, цифрового общества и цифрового двойника гражданина порождает собственную терминологию цифровой экосистемы.

Подводя итог, следует констатировать, что современная ситуация в Российской Федерации требует тщательного анализа используемого методологического и теоретического инструментария теории функций государства в условиях цифровых трансформаций. Это, в

свою очередь, возможно лишь в процессе изучения наиболее перспективных социальных, правовых и технологических феноменов и трендов, имеющих место в действительности. Происходящие в государстве преобразования, как и общемировые глобализационные процессы, могут содержательно рассматриваться при условии формирования таких теоретических моделей и применения подходов, которые позволяли бы не только адекватно и методологически описывать теоретико-правовую реальность, но и выполнять другую важнейшую функцию системного познания — нормативную.

Список источников

1. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник / АН СССР. Ин-т философии. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1975. 720 с.
2. Словарь иностранных слов / под ред. И. В. Лехина, проф. Ф. Н. Петрова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1954. 856 с.
3. По итогам 2020 года, в 145 из 193 государств-членов ООН имеется руководитель по информационным технологиям или эквивалентная должность. 2020 United Nations E-Government Survey. P. XXIII. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/2020_un_e-government_survey_full_report.pdf (дата обращения: 02.02.2022).
4. Доля стран с очень высоким, включая Российскую Федерацию, и высоким показателем EGD I (E-Government Development Index — Индекс развития электронного правительства) возросла в течение 2018—2020 годов с 58 до 65 % (с 111 до 126 государств из 193 государств-членов ООН). 2020 United Nations E-Government Survey. Pp 2—3. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/2020_un_e-government_survey_full_report.pdf (дата обращения: 02.02.2022).
5. Киричек Е. В. Цифровизация в конституционно-правовом измерении // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 4 (95). С. 29—40.
6. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 1 декабря 2016 года. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.02.2022).
7. Перечень поручений по реализации Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 5 декабря 2016 года № Пр-2346. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.02.2022).
8. Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 года № 1632-р. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.02.2022).
9. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»»: протокол президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 года № 7. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.02.2022).
10. Паспорт федерального проекта «Цифровое государственное управление»: протокол президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 28 мая 2019 года № 9. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.02.2022).
11. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года № 490. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.02.2022).
12. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 года № 474. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.02.2022).
13. Кабытов П. П., Стародубова О. Е. Влияние цифровизации на реализацию полномочий органов исполнительной власти // Журнал российского права. 2020. № 11. С. 113—126.
14. Акаткин Ю. М., Ясиновская Е. Д. Цифровая трансформация государственного управления. Датацентричность и семантическая интероперабельность. М.: Ленанд, 2019. 724 с.
15. Проблемы трансформации системы законодательства в условиях развития цифровых технологий / А. В. Корнев, И. С. Барзилова, С. В. Липень [и др.]. М.: ООО «Проспект», 2021. 176 с.
16. Государство как платформа: люди и технологии. URL: <https://pps.ranepa.ru/Publication2/2019/a63c51de-b1af-4316-a032-c9ea50588c45/48f08ca6-4aa0-4312-baaf-8ddc5c9c1ffb.pdf> (дата обращения: 02.02.2022).
17. Пожарский Д. В. Искусственный интеллект и человеческий разум в государственно-правовой реальности // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 1 (53). С. 8—15.
18. Тененбаум В. О. Государство: система категорий. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1971. 212 с.
19. Аверьянов А. Н. Системное познание мира: Методол. проблемы. М.: Политиздат, 1985. 263 с.
20. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). URL: www.pravo.gov.ru/0001202007040001 (дата обращения: 02.02.2022).
21. Бабаев С. В. Теория функций современного российского государства: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001. 201 с.
22. Орлова А. Н. Взаимодействие государства и некоммерческих организаций по оказанию социаль-

ных услуг населению (теоретико-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2021. 261 с.

23. Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления: распоряжение Правительства Российской Федерации от 22 октября 2021 года № 2998-р. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.02.2022).

24. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: федеральный закон от 27 июля 2010 года № 210-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.02.2022).

25. До конца текущего года еще примерно 200 государственных услуг будут переведены в цифровой формат. Заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам от 19 июля 2021 года. URL: <https://kremlin.ru/events/president/news/66217> (дата обращения: 02.02.2022).

26. По итогам 2020 года, показатель индекса OSI (Online Services Index — Индекс онлайн-услуг) Российской Федерации составил 0,8176 (39-е место в рейтинге из 193 государств-членов ООН), при этом г. Москва в рейтинге 100 крупных городов мира заняла 6-е место с уровнем LO SI (Local Online Services Index — Индекс местных онлайн-услуг) — 0,8125. 2020 United Nations E-Government Survey. P. 51, 309. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/2020_un_e-government_survey_full_report.pdf (дата обращения: 02.02.2022).

27. Суперсервисы: госуслуги без бумажных документов и визитов в госорганы. URL: <https://www.gosuslugi.ru/superservices> (дата обращения: 02.02.2022).

28. План перевода массовых социально значимых услуг (сервисов) в электронный формат: протокол президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 25 июня 2021 года № 19. URL: <https://its.admin-smolensk.ru/files/984/plan.pdf> (дата обращения: 02.02.2022).

29. Глоссарий по информационному обществу / под общ. ред. Ю. Е. Хохлова. М.: Институт развития информационного общества, 2009. 160 с.

30. Основные направления реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года: решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 года № 12. URL: <https://digital.eaeunion.org/upload/medialibrary/9ed/%D1%80%D0%B5%D1%88+12+%D0%BA%D0%BE%D0%BF.pdf> (дата обращения: 02.02.2022).

31. ГОСТ Р 52292-2004. Национальный стандарт Российской Федерации. Информационная технология. Электронный обмен информацией. Термины и определения: приказ Ростехрегулирования от 29 декабря 2004 года № 135-ст. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.02.2022).

32. О федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002 — 2010 годы)»: постановление

Правительства Российской Федерации от 28 января 2002 года № 65. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.02.2022).

33. О внесении изменений в особенности организации оказания медицинской помощи при угрозе распространения заболеваний, представляющих опасность для окружающих: постановление Правительства Российской Федерации от 1 февраля 2022 года № 76. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.02.2022).

34. Об утверждении Концепции развития механизмов предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде: распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 декабря 2013 года № 2516-р. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.02.2022).

35. ГОСТ Р 55062-2012. Национальный стандарт Российской Федерации. Информационные технологии. Системы промышленной автоматизации и их интеграция. Интероперабельность. Основные положения: приказ Росстандарта от 13 ноября 2012 года № 751-ст. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.02.2022).

36. Каск Л. И. Функции и структура государства. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1969. 64 с.

37. Об утверждении Правил разработки и утверждения административных регламентов предоставления государственных услуг, о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений актов Правительства Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 20 июля 2021 года № 1228. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.02.2022).

38. Портал федеральной государственной информационной системе координации информатизации в информационно-коммуникационной сети «Интернет». URL: <https://portal.eskigov.ru> (дата обращения: 02.02.2022).

39. Об утверждении Ведомственной программы цифровой трансформации на 2022—2024 годы: распоряжения МВД России от 11 января 2022 года № 1/37. Доступ из СТРАС «Юрист» (дата обращения: 14.03.2022).

40. Об объявлении решения коллегии МВД России от 30 ноября 2021 года № 5 км «О повышении качества и доступности государственных услуг, предоставляемых органами внутренних дел Российской Федерации»: приказ МВД России от 16 февраля 2022 года № 120. Доступ из СТРАС «Юрист» (дата обращения: 14.03.2022).

41. О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию: федеральный закон от 15 августа 1996 года № 114-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.02.2022).

42. Бухтерева М. А. Формы реализации функций государства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 202 с.

References

1. Kondakov N. I. Logical Dictionary-Reference Book. USSR Academy of Sciences. In philosophy. 2nd edition, revised and expanded. Moscow: Science Publ., 1975. 720 p. (In Russ.)
2. Dictionary of Foreign Words / ed. by I. V. Lekhin, prof. F. N. Petrova. 4th edition, revised and expanded. Moscow: State. Foreign Publishing House. and nat. dictionaries Publ., 1954. 856 p. (In Russ.)
3. At the end of 2020, 145 of the 193 UN member states have an information technology chief or equivalent position. 2020 United Nations E-Government Survey. P. XXIII. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/2020_un_e-government_survey_full_report.pdf (accessed 02.02.2022). (In Russ.)
4. Share of countries with very high, including the Russian Federation, and high EGDI (E-Government Development Index) increased during 2018—2020 from 58 to 65 % (from 111 to 126 states from 193 UN member states). 2020 United Nations E-Government Survey, pp. 2—3. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/2020_un_e-government_survey_full_report.pdf (accessed 02.02.2022). (In Russ.)
5. Kirichuk E. V. Digitalization in the constitutional and legal dimension. *Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 4 (95), pp. 29—40. (In Russ.)
6. Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation dated December 1, 2016. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 02.02.2022). (In Russ.)
7. List of instructions for the implementation of the Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation no. Pr-2346 of December 5, 2016. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 02.02.2022). (In Russ.)
8. On the approval of the program “Digital Economy of the Russian Federation”: order of the Government of the Russian Federation no. 1632-r of July 28, 2017. Access from the reference legal system “ConsultantPlus”(accessed 02.02.2022). (In Russ.)
9. Passport of the National Project “National Program” Digital Economy of the Russian Federation: protocol of the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation for Strategic Development and national projects no. 7 of June 4, 2019. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 02.02.2022). (In Russ.)
10. Passport of the federal project “Digital Public Administration”: protocol of the Presidium of the Government Commission on digital development, the use of information technologies to improve the quality of life and business conditions no. 9 of May 28, 2019. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 02.02.2022). (In Russ.)
11. On the development of artificial intelligence in the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation no. 490 of October 10, 2019. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 02.02.2022). (In Russ.)
12. On National Development Goals of the Russian Federation for the Period until 2030: decree of the President of the Russian Federation no. 474 of July 21, 2020. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 02.02.2022). (In Russ.)
13. Kabytov P. P., Starodubova O. E. The influence of digitalization on the implementation of the powers of executive authorities. *Journal of Russian Law*, 2020, no. 11, pp. 113—126. (In Russ.)
14. Akatkin Y. M., Yasinovskaya E. D., Digital Transformation of Public Administration. Datacentric and semantic interoperability. Moscow: Lenand Publ., 2019. 724 p. (In Russ.)
15. Problems of transformation of the legal system in the context of the development of digital technologies / A. V. Kornev, I. S. Barzilova, S. V. Lipen [and others]. Moscow: LLC “Prospect” Publ., 2021, 176 p. (In Russ.)
16. The state as a platform: people and technology. URL: <https://pps.ranepa.ru/Publication2/2019/a63c51deb1af-4316-a032-c9ea50588c45/48f08ca6-4aa0-4312-baaf-8ddc5c9c1ffb.pdf> (accessed 02.02.2022). (In Russ.)
17. Pozharsky D. V. Artificial intelligence and the human mind in state-legal reality. *Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 1 (53), pp. 8—15. (In Russ.)
18. Tenenbaum V. O. State: a system of categories. Saratov: Publishing house Sarat. un-ta Publ., 1971. 212 p. (In Russ.)
19. Averyanov A. N. Systemic knowledge of the world: Methodology. problems. Moscow: Politizdat Publ., 1985. 263 p. (In Russ.)
20. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote of December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote of July 1, 2020). URL: www.pravo.gov.ru/0001202007040001 (accessed 02.02.2022). (In Russ.)
21. Babaev S. V. Theory of functions of the modern Russian state. Dissertation... candidate of legal sciences. N. Novgorod, 2001. 201 p. (In Russ.)
22. Orlova A. N. Interaction of the state and non-profit organizations for the provision of social services to the population (legal and theoretical aspect). Dissertation... candidate of legal sciences. Saratov, 2021. 261 p. (In Russ.)
23. On the approval of the strategic direction in the field of digital transformation of public administration: Order of the Government of the Russian Federation no. 2998-r of October 22, 2021. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 02.02.2022). (In Russ.)
24. On the organization of the provision of state and municipal services: federal law no. 210-FZ of July 27, 2010. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 02.02.2022). (In Russ.)
25. By the end of this year, about 200 more public services will be converted to digital format. Meeting of the Council for Strategic Development and National Projects

of July 19, 2021. URL: <https://kremlin.ru/events/president/news/66217> (accessed 02.02.2022). (In Russ.)

26. At the end of 2020, the OSI Index (Online Services Index) of the Russian Federation amounted to 0.8176 (39th place in the ranking of 193 UN member states), while Moscow in the ranking of 100 major cities of the world took 6th place with the level of LOSI (Local Online Services Index) — 0.8125. 2020 United Nations E-Government Survey, p. 51, 309. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/2020_un_e-government_survey_full_report.pdf (accessed 02.02.2022). (In Russ.)

27. Superservices: public services without paper documents and visits to government agencies. URL: <https://www.gosuslugi.ru/superservices> (accessed 02.02.2022). (In Russ.)

28. Transfer Plan for Mass Socially Important Services (Services) to electronic format: minutes of the Presidium of the Government Commission on digital development, the use of information technologies to improve the quality of life and business conditions no. 19 of June 25, 2021. URL: <https://its.admin-smolensk.ru/files/984/plan.pdf> (accessed 02.02.2022). (In Russ.)

29. Glossary for the Information Society / gen. ed. by Yu. E. Khokhlova. Moscow: Institute for the Development of the Information Society Publ., 2009. 160 p. (In Russ.)

30. The main directions for the implementation of the digital agenda of the Eurasian Economic Union until 2025: decision of the Supreme Eurasian Economic Council no. 12 of October 11, 2017. URL: <https://digital.eaeunion.org/upload/medialibrary/9ed/%D1%80%D0%B5%D1%88+12+%D0%BA%D0%BE%D0%BF.pdf> (accessed 02.02.2022). (In Russ.)

31. GOST R 52292-2004. National Standard of the Russian Federation. Information technology. Electronic information exchange. Terms and definitions: order of Rostekhnregulirovanie no. 135-Art of December 29, 2004. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 02.02.2022). (In Russ.)

32. On the federal target program “Electronic Russia (2002—2010)”: decree of the Government of the Russian Federation no. 65 of January 28, 2002. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 02.02.2022). (In Russ.)

33. On amendments to the peculiarities of organizing the provision of medical care in the threat of the spread of diseases that pose a danger to others: decree of the Government of the Russian Federation no. 76 of February 1, 2022. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 02.02.2022). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 22.03.2022; одобрена после рецензирования 19.05.2022; принята к публикации 09.06.2022.

The article was submitted 22.03.2022; approved after reviewing 19.05.2022; accepted for publication 09.06.2022.

34. On the approval of the Concept for the development of mechanisms for the provision of state and municipal services in electronic form: order of the Government of the Russian Federation no. 2516-r of December 25, 2013. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 02.02.2022). (In Russ.)

35. GOST R 55062-2012. National Standard of the Russian Federation. Information technology. Industrial automation systems and their integration. Interoperability. Main provisions: Order of Rosstandart no. 751-Art of November 13, 2012. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 02.02.2022). (In Russ.)

36. Cask L. I. Functions and structure of the state. Leningrad: Publishing House of Leningr. un-ta, 1969. 64 p. (In Russ.)

37. On the approval of the Rules for the development and approval of administrative regulations for the provision of public services, on amending certain acts of the Government of the Russian Federation and invalidation of certain acts and certain provisions of acts of the Government of the Russian Federation: resolution of the Government of the Russian Federation no. 1228 of July 20, 2021. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 02.02.2022). (In Russ.)

38. Portal of the federal state information system for coordinating informatization in the information and communication network “Internet”. URL: <https://portal.es-kigov.ru> (accessed 02.02.2022). (In Russ.)

39. On the approval of the Departmental Digital Transformation Program for 2022—2024: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia no. 1/37 of January 11, 2022. Access from the Lawyer PSA (accessed 14.03.2022). (In Russ.)

40. On the announcement of the decision of the collegium of the Ministry of Internal Affairs of Russia no. 5 of November 30, 2021 “On improving the quality and availability of public services provided by the internal affairs bodies of the Russian Federation”: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia no. 120 of February 16, 2022. Access from the Lawyer PSA (accessed 14.03.2022). (In Russ.)

41. On the procedure for leaving the Russian Federation and entering the Russian Federation: federal law no. 114-FZ of August 15, 1996. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 02.02.2022). (In Russ.)

42. Bukhtereva M. A. Forms of implementation of state functions. Dissertation... candidate of legal sciences. Moscow, 2002. 202 p. (In Russ.)